Юрий Колесников

Рисунки из солнечного песка

стихотворения

Поэзия «МАРТЕНА»

Челябинск
Цицеро
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
К60

Автор благодарит за любую оказанную помощь

Отзывы принимаются по адресу электронной почты
ibikus@mail.ru

Контакты автора в Интернете:
http://tirabis.narod.ru — персональная страничка

http://theorypod.livejournal.com/ — блог

https://twitter.com/zlatoust_verse — Twitter

Колесников, Ю. Н.
К60 **Рисунки из солнечного песка** : стихотворения / Ю. Н. Колесников. — Челябинск : Цицеро, 2014. — 72 с.

ISBN 978-5-91283-000-0

© Колесников Ю. Н., 2014
© Головина Н., дизайн обложки, 2014

От автора

Когда-то я случайно увидел замечательный эстрадный номер.

Хрупкая девушка рисовала на большом стекле, подсвеченном изнутри, замечательные картины при помощи… песка.
Легкий взмах рукой — и, буквально за мгновение,
перед зрителем появлялись пальмы, прибой, чайки…

Ещё одно неуловимое движение — и вот уже жаркий пейзаж сменяет бушующая вьюга, где северные олени,
упрямо склонив рогатые головы, идут к Полярному сиянию.
Смеющееся лицо младенца превращалось в суровый лик воина.
Юная девушка — в умудрённую годами старушку.

Даже солнце не могло спрятаться за вечность
и осыпалось с рук золотым песком…

В отсутствии постоянства и постоянстве изменений —
и заложена главная стихотворная интрига этого сборника.
«Всё пройдет!» — было начертано на кольце царя Соломона…

Теперь несколько слов о структуре книги.
Она состоит из пролога, трех тем и послесловия (P. S.).

Первая тема называется немного необычно — «*Ве-Ле-О-Зы*».
Но, на самом деле, здесь нет ничего загадочного.
Это сочетания первых букв различных сезонов года:
Весны, Лета, Осени и Зимы.
Здесь отражено прямое влияние некоторых личных переживаний
на формирование атмосферных процессов в окружающей среде.

Во второй теме — «*Цинизмы*», — сделана попытка отметить
обычные вещи необычными образами.
Может быть, взглянуть на небо с другой точки зрения.
Например — сверху вниз…

Третья тема «*Романсизмы*» прямо намекает, что в рождении стихов,
так или иначе, принимала участие гитара.
Но, к сожалению, полноценной песни не получилось.
Тем не менее, эти поэтические сущности, зависшие между музыкой
и словом, тоже имеют право на жизнь…

Итак, мой новый отчёт перед временем и пространством готов.

Желаю приятного чтения и просветления души!

Пролог

Июньская жара,
осенних листьев ржавь,
и в лунную зарю
узоры на стене —
напоминают мне
искусство миража:
рисунки из песка
на треснувшем стекле.

И — как ни дорожи, —
нам их не удержать:
Потянет сквозняком —
развеются во мгле,
дрожа, как желтый дым,
как зябкая душа:
рисунки из песка
на треснувшем стекле.

Не удивляюсь я…
Хотя немного жаль,
что пропадут зазря
и превратятся в тлен:
улыбка со слезой,
счастливая печаль —
рисунки из песка
на треснувшем стекле.

И, как тут не крути,
не быть нам в стороне
от вечного пути —
сначала по земле…
Настанет срок — я сам
останусь в чьем-то сне
рисунком из песка
на треснувшем стекле…

Весенний ветер,
Цепляясь за подснежник,
Течет на север…

Выжат сок лета
Мёдом прозрачным в соты.
Желтеют липы.

Ве-Ле-О-Зы

В осеннем лесу,
Как охрипшие птицы,
Шепчутся листья…

Будь ты во лбу хоть восемь пядей —
Знать ничего нельзя наверняка:
Ведь наша жизнь капризней пряди,
И явно не надежнее песка…

*

Любое знание непрочно.
И лишь игрушка для ума.
Одно на свете знаю точно:
Быстрее света — только тьма!

*

Жизнь во всем нас заставляет строго
Принципа держаться одного:
Никому не верить кроме Бога.
Только он не обещает ничего!

Пусть на улице — ветви в инее
И хрустит от мороза земля,
В твоей комнате — пахнет Индией,
Занавески дрожит кисея…

Подкрадется к нам время вечернее,
И, собой образуя овал,
Разгорится внезапно свечение
В глубине любопытных зеркал…

С подоконника легким шепотом
Откровение вдруг прилетит:
Это роза поделится опытом,
Как желанью сочувствует стыд.

Мы, конечно, упустим мгновения.
Растеряемся, как чудаки:
Ощущение прикосновения
Мотыльком упорхнет из руки…

Разойдутся поврозь наши линии.
Ну и что ж…
Пару жизней спустя,
Будет в комнате — пахнуть Индией,
И в ознобе дрожать кисея.

Пусть неуклюже и нелепо,
Я близок к счастью иногда:
Когда в ладони — льется небо,
Как родниковая вода…

Когда, без всякого резона,
Рукой махнут мне вдалеке,
И солнце, улыбаясь сонно,
Замрет случайно на щеке…

Но снова дрогнет занавеска,
Взметнётся ветер, хлопнет дверь…
И мне опять заметят веско:
Хорошим поводам — не верь…

Необычайно жив и боек,
готовый всюду нашалить,
шагает дождик, как ребёнок,
который учится ходить.

Все для него предельно просто:
есть только верх и только низ.
И он хватается за воздух,
как за спасительный карниз.

Но вновь и вновь срываясь в бездну:
в траву, на зонт, за воротник, —
он изучает неизвестность,
на год взрослея каждый миг…

И понимает без бравады
его судьба — всегда одна:
все время падать… падать… падать…
И не подняться никогда.

Все случилось внезапно и резко:
сквозняком притворилась весна
и рванулась ей вслед занавеска
в приоткрытые створки окна.

Вдруг расправила крылья из тюли,
полоснув по глазам белизной,
и пыталась взлететь… Но вернули,
затащили беглянку домой…

Я и сам перемен не сторонник —
кружит голову на вираже.
Но глядит снизу вверх подоконник
и о чем-то мечтает уже…

Без спроса, вдруг (хоть смотришь в оба),
весна вселяется в меня:
я — то сгораю от озноба,
то — замерзаю у огня.

Бросаюсь в крайности — с расчетом,
теряю голову — слегка.
И у тумана контур четкий
всегда, скользя, найдет рука.

Луна глаза слезит мне сразу,
но солнце светит не слепя.
И в этих происках прекрасных,
боюсь я потерять себ…

Шторы тяжкие, как панцирь,
Я легко сниму с окна.
Пусть устраивают танцы
Ветер, воля и весна!

В состоянии бурлеска,
Происходят чудеса:
Стекла вымою до блеска,
И до радуг — небеса.

Не останемся внакладе
Мы внизу — в раю своем…
Ведь живем не скуки ради —
Вместо Бога здесь живем!

Теперь не сомневаюсь я нисколько,
Что лишь в тебе воплощены, как сны,
Таинственность мерцающего шелка
И теплое дыхание весны.

Игра теней…
Нюансы дня и ночи,
Что далеко не каждому видны.
И мне, порой, бывает стыдно очень,
Ведь сделан я из камня и воды.

Но ничего…
Пообещаю снова,
Что срок придет — понятной станет грусть,
И превращаться в светлячка смешного
Я у тебя в ладонях научусь…

Стараюсь быть самим собой
Я в этой жизни быстротечной:
Шучу над вечною тоской,
Грущу от радости беспечной.

Пусть прыть уже не та, что впредь —
Есть веский повод не напиться.
Чтобы повсюду не успеть,
Мне надо очень торопиться.

Болтаю, слов не говоря,
Встречаю утро на закате…
И все, что делается зря —
Как никогда — бывает кстати!

Неровно дышит дождь ночной,
Как будто со всех ног
Бежит по лужам он домой,
Вне правил и дорог…

Забытый зонтик — как урок
На шквалистом ветру
До нитки вымок и продрог,
Бедняга поутру.

Я вслед гляжу ему, твердя
Про самый высший прок:
Ведь где-то — даже у дождя, —
Домашний есть порог…

Проснусь случайно — и уже не спится.
Придется слушать, лежа на спине,
Как мне одна-единственная птица,
Споет о чем-то важном в тишине.

В последние часы перед рассветом
Подушками обложены века…
Она каким-то делится секретом,
Хоть я не понимаю языка.

Свет фонаря подрагивает зябко
И тень небес становится видна.
Летят с высот рулады, как морзянка,
И рикошетят звонко от окна…

Когда на улице тепло,
И светит солнце ярко —
В душе вдруг оживает зло
И жжет глаза, как сварка.

Ослепший сердцем, как злодей,
Брожу — себе не нужен,
И, запинаясь о людей,
Топчу я небо в лужах.

Но силы все-таки найду
Чтоб не поддаться бесам,
И в сладкий гнев не упаду
Пока парю — над бездной…

Проходит всё…
Привыкнуть мне пора бы,
Что стайкой снов к утру исчезнут прочь
Забавы звёзд,
Сиянье нежных яблонь,
И соловьями растревоженная ночь…

Проходит всё…
Пора признать фиаско
Заранее, не потеряв лица,
Ведь то, что начинается, как сказка
Не будет знать счастливого конца…

Проходит всё…
Пора найти спасенье.
Последний шанс сулит надежду нам,
Чтоб верно сопоставив направленье —
Не разойтись по разным сторонам…

Пусть превратятся звезды в прах —
Зевнет Вселенная, как зверь.
Лишь мы — испытываем страх
От неизбежности потерь…

Пусть разгрызает камни — быт,
Мир пустоты — совсем не пуст.
Лишь мы — переживаем стыд
От невостребованных чувств…

Пусть слух не принимает стон,
Предпочитая шум дождя.
Лишь мы — никак не вспомним сон,
Всего, что прожито шутя…

Бредут дожди — подслеповато летние.
Не обернутся, как ни окликай.
И лепестки шиповника последние,
Как бабочек сшибают невзначай…

Им нипочем — ни окрики, ни выстрелы,
И тишина им тоже нипочем.
Они бредут то робко, то неистово
Своим — непредсказуемым путем!

И я уже раскаялся заранее,
Что зависть заворочалась в груди:
Ведь человеку — даже при желании, —
Не повторить подобного пути…

Пусть жизнь светла, как дно колодца,
Но даже там, на самом дне,
Ко мне предчувствие крадется,
Что поправимо все вполне.

Что ничего еще не поздно.
И я решительно ползу
Навстречу разноцветным звездам
Призывно тающим внизу…

Памяти Андрея Вознесенского

Опять ругают тополя.
За то, что пух — похож на вьюгу
и, по теплу равняясь югу, —
белеет, как зимой, земля.

Опять ругают тополя
за аллергию на притворство.
Чихать! — ведь это сделать просто
для нищего и короля.

Опять ругают тополя
за раж и реактивность роста,
когда побег ракетой рвется
ввысь — сквозь бетонные поля.

Опять ругают тополя…
Бензопила заглушит речи
и вздрогнут бронзовые плечи,
под корень дерево пиля…

И упадут, как люди — тополя.

Куда деваться от открытий вечных?
Уйти в пещеру?
Спрятаться в подвал?
И там — они настигнут нас, беспечных,
Которых ангел не застраховал…
Мы жили — и тоскуя и ликуя,
И прогоняли много раз со щёк
То легкость сна…
То нежность поцелуя…
То первый снег…
Чего же нам ещё?

Что наделал июньский садовник:
Закружилась опять голова —
Одуряюще пахнет шиповник,
И цветет вечерами молва…

Бьются полчища пятен и линий,
В синей полночи тихо смеясь…
Между ними, как пух тополиный,
Плавно мечется совесть моя…

А тем временем, — хором из рая,
Из обители первой любви, —
Тембру радиоволн подражая,
Голосисто хрипят соловьи…

Печалиться не надо.
Прольется все равно
Осенняя прохлада
В июльское окно.

Прошепчет чей-то голос:
«Всему есть свой черед…»
И первый гладиолус
На клумбе расцветет.

Событий много первых,
Что повторятся вдруг.
Они давно и верно
Образовали круг.

Мы, не сойдя с дороги,
Свернем к зиме опять…
Куда несут нас ноги —
Полезнее не знать.

Но, как солдат в походе,
Скажу, не морща лоб:
«Природе и погоде
Давайте быть назло.

А значит: быть добрее —
На счастье иль беду!..»

Пусть тихо жизнь дозреет,
Как яблоко в саду.

Август…
Вечер…
Воскресенье…
Выше звук.
Длиннее тень.
С легкой горечью осенней
Догорает тихий день.

Он немного в жизни значил,
Но давно известно мне:
Всё становится прозрачным
В этом радужном огне.

Хоть бывает разным утро,
Замечаю я всегда,
Что просвечивают смутно
Даже камни, как вода…

Исключений нет издревле:
Если время истекло,
Поплывут, как дым, деревья,
Превратится сталь в стекло.

Всё когда-то — пусть не завтра,
Пусть не в близком сентябре —
Станет бликом лучезарным
Или вздохом на заре…

Осень падает в ладони,
шепелявя и хрустя.
Прелесть есть и у агоний —
ежегодных — сентября…

На прощанье — рдеют астры:
без излишней суеты,
вспомнив смутно стыд прекрасный
у отчаянной черты…

Почему-то пахнет пиццей.
Паутинный слышен звон.
И, вздыхая, смотрят птицы
на просевший небосклон…

Я раскрываю створки в осень,
Где свежесть смешана и гарь,
Где у меня прощенья просит
Невинный, как дитя, октябрь.

Где звезды падают, взлетая,
Где пропадают сны, взлетев.
Где кружит туч большая стая,
Средь птиц — на месте замерев…

Вдыхаю запах прелых листьев
И обжигаюсь о цветы.
Я никогда еще так близко
Не был далек от красоты…

Даже солнце — различаю смутно.
Зрячему — нужны поводыри…
Как ты поживаешь, моё утро,
По другую сторону зари?

Нет уже ни озорства, ни спеси.
Чувства шелестят, как камыши.
Как ты поживаешь, моя песня,
По другую сторону души?

Пусть я что-то изменить не властен —
В бешенстве не встану на дыбы…
Как ты поживаешь, моё счастье,
По другую сторону судьбы?

Понять, подчас, и не успеешь даже, —
Хотя причины, как всегда, просты:
Зачем внезапно с ног сбивает тяжесть
Из сплава тишины и пустоты?

Она ударит яростно и хлестко,
Со знаньем дела: вроде без вреда…
Но пусть еще стремительна походка,
Идти уже не тянет никуда.

Который день — ни солоно, ни пресно
Воспринимаю вкусы бытия.
Стоять на месте — тоже интересно:
Тогда весь мир проходит сквозь тебя…

Проплывают сквозь меня
Люди, словно облака:
Веселя, грозя, маня
И толкая под бока…
Помешать им — неудобно,
Ведь, по правде говоря,
Я прозрачен, будто тополь
На исходе декабря!

Остаются после дня,
Проведенного не зря,
На ветвях — следы огня:
Копоть снега, дым дождя…
Но в одном признаться можно:
Я уже не жду гостей —
Ни признаний в виде молний,
Ни торнадо из страстей.

Слишком поздно мир менять —
Не поднимется рука.
Проплывают сквозь меня
Люди, словно облака.
Мне нисколько не обидно,
Я не чувствую вреда.
Лишь бы солнце было видно —
Даже ночью иногда!

Ноябрьский снег опять летит, слепя.
Соскучившись, бросается на плечи.
И надо снова прятаться в себя,
И уходить от долгожданной встречи…

Нет ничего сложнее простоты,
Она, как пепел, падает на веки,
И надо снова поджигать мосты
Через давно исчезнувшие реки…

Мерцает небо на воротнике,
А фонарю — быть солнцем приглянулось…
И надо снова быть накоротке
Со звездами — далекими, как юность…

Впадаю в равнодушие, как в кому.
А ведь всего с десяток лет назад,
Все было абсолютно по-другому:
Слова, улыбки, каждый жест и взгляд…

Но время чётко делает работу —
Всегда неблагодарную, увы:
Вылизывает с камня позолоту,
Распутывает хитрые узлы…

И ничего не радует… не бесит…
И не тревожит до потери сил.
Похоже, словно лампочку в подъезде,
Я душу, экономя, погасил.

Я выключил солнце.
Теперь — хорошо.
Вечернее сердце не ропщет.
Не страшен уже ожиданья ожог —
Озноб переносится проще.

Сомнения стерты,
как с зеркала — пыль,
ослепшая в мире житейском.
Я рябь отражений простил…
И забыл —
всех клятв посторонние жесты.

Что будет — то будет.
Сошла пелена.
И ясность нахлынула хмуро.
Лишь круглые сутки в окошко луна
Глядит с непонятным прищуром…

Увы, с воспоминаниями скудно.
Страницы ежедневника чисты.
Проходит жизнь, заботясь о секундах
И забывая часто про часы…

Вращаясь в окружающем пространстве,
Запутавшись: где- солнце, где — луна,
Проходит жизнь в сплошном непостоянстве…
За счет того и держится она!

Проходит жизнь — то тягостно, то споро…
Но даже мне признаться нелегко,
Что даже ты — лишь лучезарный сполох
В полярном мраке сердца моего…

Морзянка мне подходит точно,
Чтобы и в деле и в игре —
Быть лаконичным, словно точка,
И беспощадным, как тире…

*

Чем больше лет,
тем краски дня — бледнее,
За исключеньем только двух вещей:
Ведь даже в полночь — небо голубее,
А в ясный полдень — вся земля черней…

*

Приходит осень — время действий
непредсказуемых, когда
под утро лампочка в подъезде
сверкнет, как падшая звезда…

Спешить не надо,
Ведь черепаха-время
Быстрей, чем ястреб…

Цинизмы

С точки зрения
Снежинки на ладони —
Человек вечен…

Пара бабочек
закружилась над лужей…
Разразился шторм.

Прошла любвеобильная эпоха,
Коварными улыбками слепя.
Я не жалею. Все — не так уж плохо:
Теперь осталось время на себя!

*

Я не ищу высоких истин.
Ведь даже снизу ясно мне:
В ином молчанье больше смысла,
Чем в бесконечной болтовне.

*

Пожалуй, хуже нет заразы
Когда, скрывая суть идей,
Чеканят правильные фразы
Уста неправильных людей…

Как будто спичкой чиркнули в бараке —
Сверкнула жизнь — без дыма, без огня:
Меня любили злобные собаки,
Но не любили женщины меня.

Изображали гордость недотроги,
Когда смотрели вслед из-под руки…
Меня любили дальние дороги,
Но воротили нос проводники.

Смешались и закаты и восходы.
Валялись чувства яркие в пыли.
Меня любили мелкие расходы,
Но не любили длинные рубли…

Но я еще надеюсь, не в обиде:
Когда-нибудь настанет благодать
И те, кто раньше нежно ненавидел
Меня вдруг станут люто обожать!

Баллада о художественной наготе

Я побывал на выставке картин.
Короче говоря, на вернисаже.
Стоял перед шедеврами один
И временами восхищался даже.

Но кое-что смущало в красоте,
Которая светилась в полумраке:
Число раздетых женщин на холсте
Превосходило мыслимые рамки.

Я удивлялся: неужель сама
Сняла с себя натура все предметы?
У нас ведь — девять месяцев зима,
И остальные месяцы — не лето.

Под стать ментальность: покидаешь дом —
Надень под брюки теплые кальсоны.
Увы, как в древнем мире, нагишом
Не можем мы ходить на стадионы.

А женщины подвержены вдвойне
Опасности случайно простудиться.
Зачем же рисовать их «без» и «вне»
И жертвовать здоровьем для традиций?

Гораздо лучше выглядит в манто
Любая дама — убедитесь сами.
Пусть будет дорисовано мечтой,
Что не увидишь сразу же глазами!

Я у искусства требую опять
Во имя принципа, не ради денег:
Не надо больше женщин раздевать,
А то мы никогда их не оденем!

Баллада о Музе

Один вопрос, как тяжкая обуза,
Мешает жизни и лишает сна:
Кто именно посеял мысль, что Муза
Должна быть обязательно юна?

Пусть вслух не оглашают возраст женщин,
Для Музы приоткрою я секрет:
По всем подсчетам, ей никак не меньше, —
А то и больше — пары тысяч лет!

Ведь родилась она в античном мире
Росла средь нимф и кушала нектар…
Я думаю, что в маленькой квартире
У Музы не развился б чудный дар!

Ну, а тогда все было честь по чести
И напрягать не стоило мозги:
В одном дворце воспитывались вместе
Среди сестер — их братья Музыки́…

Звенели многочисленные лютни,
Туники развевались на ветру…
Все завершилось кризисом валютным
И провалилось в черную дыру.

Историю рассказывая сухо,
Платком, бывает, промокну глаза…
Что ж, стала Муза странною старухой
И удалилась в хвойные леса…

Ее, конечно, люди не забыли.
Но, чтоб не вышел в творчестве конфуз,
Давно пора на собственные силы
Рассчитывать, не напрягая муз!

…И я, бывало, не дрожа,
Во власти странного порыва,
Ходил по лезвию ножа,
Стоял на краешке обрыва.

Смотрел без страха в мир иной —
Лишь дерзко сплевывал под ноги.
«Ничто не вечно под луной!» —
В один итог слагались слоги.

И лучше всех профессоров,
Учили слякотные ночи
Меня искусству первых слов
И мастерству последней точки…

Но, вот уже который век,
Я, в нарушенье всех традиций,
Когда прочитан человек —
Не в силах повернуть страницу…

Баллада о весенних шаманах

Весна… Оживились шаманы.
И в чаще лесной, сквозь туман,
крадутся они на поляны,
чтоб там постучать в барабан.

У них невеселые лица
и взгляд беспредельно суров.
Успели, наверное, слиться
с душой параллельных миров.

Там призраков туча роится,
как дикие пчелы жужжа.
Ну как с ними договориться,
Коль слов не понять ни шиша?

Приходится двигаться в ногу
с прогрессом. Звучать в унисон.
И вновь призывать на подмогу
оленей, собак и ворон.

И чувствовать в этом обряде
себя — генералу сродни…
Что только не сделаешь ради
Любимой жены и родни?!

Шаманы прекрасно все знают.
И против судьбы — не плюют.
Огромный костер разжигают,
шансон бессловесный поют.

Визжат, словно малые дети,
рычат, как голодные львы.
И курят потом на рассвете
мохнатые трубки свои…

Все действо зовется «камлание».
Оно оставляет без сна.
Поскольку его заклинание
содержится в слове «весна»!

Баллада о ясновидцах

Из последних новостей:
Хряк-предсказатель вернулся на родную ферму…

И сплошь и рядом — все кругом пророки.
Предтечи возникают там и тут.
Как будто, в установленные сроки,
Их выпускает некий институт.

На кафедры его и факультеты
Вступительный экзамен очень прост:
Дать самые туманные ответы
На слишком ясно заданный вопрос.

Лишь умник не сумеет в самом общем
Списать все сложности на прихоть звезд.
Мы привыкаем, мы уже не ропщем
И создаем необходимый спрос.

А предложений — как всегда, — до чёрта!
Есть чем остатки разума смутить:
О небе рассуждают звездочёты,
Не видевшие Млечного пути.

Провидцы, как матрос с верхушки мачты,
Вещают нам уверенно: «Земля!!!»,
Хотя не могут угадать по масти
В колоде карт туза и короля.

Целители заходятся в экстазе:
Снимают порчу, унимают дрожь…
Само собой, по выверенной таксе,
А вовсе не за здорово живёшь!

Какие времена — такие люди!
Но, чтобы в них не пробуждать вины,
Загадывать о будущем не будем,
А лучше спросим у оракула-свиньи!

Баллада о собеседнике

Пусть это выглядит нелепо,
Пусть это выглядит смешно, —
Я разговариваю с хлебом.
Ведь он — живое существо.

Вдаваться в тонкости не будем,
Но все вокруг — что ни возьми, —
Сотворено, подобно людям,
Из сплава неба и земли.

И если вслушаешься в звуки,
Узнаешь вдруг наверняка:
Зачем так нервничают вьюги,
О чем мечтают облака.

Они поют… Вздыхают часто…
Порою — ссорятся без слов…
Но кто сказал, что это — счастье:
Быть переводчиком веков?

Нет тяжелее наказанья:
Понять без всякого труда —
Что на душе лежит у камня,
Когда вокруг — одна вода.

Переживать за всех — опасно,
Но я возможность нахожу
Узнать, что сливочное масло
Готово угождать ножу…

И задушевные размолвки
Могу вести о том, о сём —
Хоть со скамьей, хоть с кофемолкой,
Хоть с полусогнутым гвоздём…

И отзываются мне эхом
Мои невзрачные друзья…
Вот только жаль, что с человеком
Так поболтать, увы, нельзя.

Баллада о воображении

Лишь ветерок весенний дунул,
сорвавшись с ледяных оков,
я всю тебя за миг придумал:
от шляпки — и до каблуков.

Невыразительно, но прочно
должна стоять ты на земле,
и безгранично непорочно,
светить мне, грешному, во мгле.

Быть потакающей, как вата
и облегающей, как бинт…
Кто знает, может, так и надо
спасать от ран совместный быт?

Тебя, от страсти зубы стиснув,
объемно я воображал.
Составил даже длинный список
твоих достоинств…
И порвал.

Но слишком поздно…
Все случилось…
И где-то на исходе дня
ты появилась, словно милость
и вдруг придумала меня!

Баллада об амнезии

Что-то с памятью вдруг приключилось —
Видно, возраст ее доконал, —
И однажды вдруг все разделилось:
Справа — помню, а слева — провал…

Разбудите меня — без осечки,
Среди ночи, как бравый солдат,
Отчеканю про стоимость гречки
И как сделать пикантный салат.

Расскажу про французскую лилию,
Про английскую древнюю знать…
Только имя свое и фамилию
Не смогу сразу четко назвать.

Перечислю все крупные войны
С наших дней до античных времен…
А еще — как сигнал телефонный
Был в Америке изобретен.

Поделюсь информацией радостно.
Мне не жалко, лови — наяву!
Не припомню, пожалуй, лишь адреса,
По которому где-то живу.

Словно тихо исчезло полмира…
На вопросы — в ответ, — тишина:
Какой номер имеет квартира
И какая снаружи страна?

Баллада о коте

Для радости немного
нам нужно на земле.
Мой кот не верит в Бога,
но любит крем-брюле.

Не ведает раскаянья
усатый атеист.
В отличие от Каина
он помыслами чист.

И я замечу веско,
хоть нет на нем креста,
кот вылизан до блеска
от носа до хвоста.

Сидит — белее тюли.
Подмигивает мне.
Он весь — пример чистюли,
Светящийся во тьме.

Сияет в виде диска
его душа, как бра.
Подумаешь, сосиска,
что он стащил вчера!

Увы: за сном, за играми, —
потеря из потерь, —
остался вне религии
простой домашний зверь.

Но наблюдая лично
за ним издалека
я понял: он — язычник…
Кудесник языка!

Баллада об авоське

Ну что такое — русская авоська?
В колоде лет — ей не бывать тузом.
Ей не поставят памятник из воска
В музее имени мадам Тюссо.

И мы теперь — уже скромны до дремы…
Но жили ведь когда-то, как один:
Сначала — возводили космодромы,
А после — шли с авоськой в магазин.

И не боялись выглядеть нелепо,
Когда покупки выносили в мир:
С испариной засматривался в небо,
Как телескоп, бутылочный кефир.

Нас не смущало, что такая мода, —
На сетки, — намекает о другом…
Продукты в клетке — лучшая свобода,
Для тех, кто со свободой незнаком!

Но песенка авоськи была спета.
Сменились интересы у людей
И эра непрозрачного пакета
Вдруг воцарилась на планете всей…

Безропотно ей покорились страны.
Но кое-где идет еще война:
Отправились авоськи в партизаны,
Чтоб отомстить захватчикам сполна…

Они мелькают далеко и возле,
И неизменно гибнут там и тут…
Нет, не поставят памятник авоське.
Но в честь ее надежду назовут!

Ода журнальным киоскам

Если в жизни не хватает лоска —
Способ есть, как одолеть беду:
Просто до ближайшего киоска
С разными журналами дойду.
Пусть реальность вдруг посмотрит хмуро,
Любопытство ставя мне в вину,
Сквозь стекло витрины в мир гламура,
Как в иллюминатор я взгляну.
Пусть пристрастью удивятся предки,
С укоризной пальцами грозя…
Там такие яркие брюнетки,
Что темнеет иногда в глазах!
Пальмы там увидишь без билета,
Не сходя ни с места, ни с ума.
Там не знает глянцевое лето,
Что такое русская зима!
Там порхают пёстрые наклейки…
Плюс к тому — ещё одна черта:
Ст**о**ит пустяковые копейки
Самая заветная мечта!
Пусть в ресницах путается иней,
Несколько страниц перевернёшь —
Вырастает миражом в пустыне
Под рукой — заманчивая ложь:
Яхта к пяткам подплывает чинно,
Во дворец впускают без возни…
И, хотя они мне — не по чину,
Всё равно приятно, чёрт возьми!
Я рассказ дальнейший опускаю…
Знаю: через несколько минут:
Блажь пройдет…
И снова покупаю —
По привычке — я газету «Труд»!

Баллада о морской депрессии

Как оказалось, шторм обычный,
Крушащий скалы там и тут,
Синоптики дипломатично
Морской депрессией зовут.

Понять стихию очень просто,
Не надо видеть в ней врага.
По сути, море — антиостров:
Вокруг сплошные берега.

Конечно, людям их не видно,
Быть близорукими — наш крест.
Ну, а волне — всегда обидно
С разбегу встретить волнорез…

И вот — кипящее безумство…
Но, слава богу, не навек.
Есть у меня такое чувство,
Что море — тоже человек!

Опять взошла антизвезда —
На белом небе — черной точкой.
И с ликованием беда
Воспринимается заочно.

Похоже, расшалился Бог,
Пощекотав слегка устои,
И твердь уходит из-под ног,
Вдруг отказавшись быть земною…

Жизнь разноцветна, как драже,
Но по характеру — чуть строже…
Когда огонь горит в душе —
Сверкает изморозь на коже.

Прекрасен ватник в лютый холод,
В жару — вода с кусочком льда,
Картошка жареная — в голод.
Все остальное — ерунда…

*

Я много лет пытаюсь разобраться
И направляю помыслы свои:
Каким путем душевное богатство
Сподручней сконвертировать в рубли?

*

Бывают и такие заморочки —
Обычный в расставаниях сюжет, —
Что, расставляя в предложеньях точки,
Вдруг обнаружишь: предложений нет…

Первый луч солнца
Зябнет и просится в дом.
Розы — на страже.

Романсизмы

Дремлет черный пруд.
Над туманной глубиной
Плачет кувшинка…

Судьба не раз нам даст урок
О вечной сути изменений:
Сегодня ты король и бог,
А завтра — бурый лист осенний…

*

Нет на случайности управы.
У них изысканный пошиб:
Судьба наносит нам удары,
А после — дует на ушиб…

*

С годами груз совсем не легче
Забот, обязанностей, дел…
Тот, кто сказал, что время лечит —
Ничем серьезным не болел.

Пусть судьба к нам бывает сурова:
То наверх нас бросает, то вниз —
Ты скажи мне спокойное слово
И рукою ко лбу прикоснись.

Может быть, осознаю ошибки,
Сброшу с плеч непонятный мне груз,
И от первой — случайной! — улыбки,
Как хрусталь, разобью свою грусть.

Или, всё же, забуду затею
Быть с тобою всегда заодно?
Ведь как ты — я летать не умею…
Ведь небо, как дно мне дано!

Пусть далека ты — до бескрайности, —
Спокойно, словно лунный свет,
Я буду ждать своей случайности —
Не утруждаясь счетом лет…

И, в руки взяв, тебя не выроню.
За страсти прошлые твои
Прощенье полное я вымолю
У пламени и у земли…

И за собой — по высшей милости, —
Я не почувствую вины,
Что ты — по степени светимости —
Звезда седьмой величины…

Куда бы ни шел я, ни ехал —
Везде убеждаюсь в одном:
Ты пахнешь мускатным орехом
И сладким запретным грехом…

Бываю то сталью, то мехом,
То тихий, как плач, то смешной…
Всегда отвечаешь ты эхом,
Как будто стоишь за спиной.

Но встречи ищу без успеха.
И ты обнимаешь не тех.
Ведь главная наша помеха —
В отсутствии всяких помех…

Пусть мартовский день догорает, —
Пронзительный, резкий, шальной, —
Я снова шепну: «Дорогая,
Давай все исправим с тобой!»

Устав быть в плену многоточий,
Пронзённый весной, как стрелой,
Я буду предельно настойчив:
«Давай все исправим с тобой!»

Условностей тяжкое бремя
Безжалостно сбросим долой.
И, скомкав пространство и время,
Давай все исправим с тобой!

Две жизни столкнутся упруго.
Волной нас окатит взрывной.
Пусть мы не узнаем друг друга —
Давай все исправим с тобой!

По давно натоптанному кругу
Годы шли, друг друга торопя…
Я себя испытывал разлукой —
Надо встречей испытать себя!

Не давал я поводов к злословью,
Все потери к баловству сведя.
Я себя испытывал любовью —
Надо болью испытать себя!

В небесах с малиновым подбоем
Колыхалась звездная стезя.
Я себя испытывал покоем —
Надо бурей испытать себя!

Лишь во тьме — любая искра светит,
Пуще солнца майского слепя.
Я себя испытывал бессмертьем —
Надо жизнью испытать себя!

Ни стыда, ни совести не зная,
Словно солнце — бросив небеса, —
Ослепляя, осень золотая
Озарила темные леса.

Сразу не осталось мест укромных.
С легкостью, невиданной ещё,
Осень добралась до буреломов,
До заветных сказочных чащоб.

Ярких красок у нее — излишек,
Но, к несчастью, времени в обрез,
Чтобы клены превратить в мальчишек,
А березы — в трепетных невест…

Только, невзирая на погоду,
И на то, что до зимы чуть-чуть,
Даже ночью — пламенем холодным
Осень звёздам освещает путь…

Жил и я, чудес не замечая,
Но однажды — странные дела, —
Ты прошла, как осень золотая
И меня случайно обожгла…

Когда луна зажжется, словно люстра,
Откуда-то — с туманной высоты, —
На нас признанья звездные прольются…
Но мы раскроем вовремя зонты!

Когда к нам солнце бросится под ноги,
Чтоб сделать путь безоблачным почти —
Мы к этому — не будем очень строги
И спрячем взгляд за черные очки…

Но равнодушье нам выходит боком,
Взаимность в каждой мелочи важна.
В отместку солнце брезгует востоком
И не восходит полночью луна…

Пусть нелегка у жизни кладь,
Я не смотрю вокруг угрюмо —
Ты научила меня ждать,
Мечтать, надеяться и думать.

Пусть мне повсюду не успеть, —
Не собираюсь спотыкаться.
Ты научила меня петь,
Переживать и сомневаться…

И пусть я выгляжу чужим —
Считай всё странное ошибкой.
Ты научила меня жить.
И предавать себя — с улыбкой…

Стыдиться слабостей не нужно,
Но и гордиться — ни к чему.
Должна быть страсть слегка недужной,
Но не назойливой уму.
Уместны пылкие намеки
И лихорадочный блеск глаз.
Не обещай вначале много —
Оставь на следующий раз.
И пусть его уже не будет —
Утраты нет, ведь, видит Бог,
Колотит всех озноб прелюдий
И ты боролся с ним, как мог.
Ты перед женщиной наружно
Не выдавай сердечных мук.
Стыдиться слабостей не нужно,
Но и гордиться — ни к чему…

Синий сумрак светится сквозь ели…
Мы сказали все — по мелочам,
И, конечно, снова не успели
О предельно важном помолчать.

В чем причина?
Не хочу гаданьем
Обвинить сейчас кого-нибудь…
Лишь одно мне служит оправданьем,
Тешит сердце, согревает грудь:

Вдруг нам повезло на самом деле
И сошла неторопливость с рук —
Мы с тобою столько не успели,
Что смогли всех обогнать на круг…

В большом и малом, в сложном и простом —
Во всем влечет нас перемена,
Но часто тот, кто хочет быть клинком,
Бывает не острей полена…

*

Пусть справа — пропасть,
Слева — бездна…
Твердят нам: нервничать нельзя!
И в этом случае полезно
Покрепче завязать глаза…

*

Наша память лелеет грехи,
Ничего не проходит бесследно,
Но одни оставляют стихи,
А другие — о хворях беседы…

P. S.

Весенний свет — не зачерпнёшь пригоршней,
И временем не запасёшься впрок.
Друзьям всего не выскажешь в прихожей
Когда переступаешь за порог.

Зовут в дорогу золотые трубы.
Волнуются на мачтах паруса.
Что шепчут в спину ласковые губы?
О чём кричат бездонные глаза?

Не надо знать…
Я сделал этот выбор.
И, хоть далёк, как горизонт, финал —
Спасибо тем, кто мне сказал: «Спасибо!»
За то, что в жизни я не досказал…

Содержание

От автора 3
Пролог 4

Ве-Ле-О-Зы

Триолет четверостиший 6
«Пусть на улице — ветви в инее…» 7
«Пусть неуклюже и нелепо…» 8
«Необычайно жив и боек…» 9
«Все случилось внезапно и резко…» 10
«Без спроса, вдруг (хоть смотришь в оба)…» 11
«Шторы тяжкие, как панцирь…» 12
«Теперь не сомневаюсь я нисколько…» 13
«Стараюсь быть самим собой…» 14
«Неровно дышит дождь ночной…» 15
«Проснусь случайно — и уже не спится…» 16
«Когда на улице тепло…» 17
«Проходит всё…» 18
«Пусть превратятся звезды в прах…» 19
«Бредут дожди — подслеповато летние…» 20
«Пусть жизнь светла, как дно колодца…» 21
«Опять ругают тополя…» 22
«Куда деваться от открытий вечных?..» 23

«Что наделал июньский садовник…» 24
«Печалиться не надо…» 25
«Август… Вечер… Воскресенье…» 26
«Осень падает в ладони…» 27
«Я раскрываю створки в осень…» 28
Даже солнце — различаю смутно…» 29
Понять, подчас, и не успеешь даже…» 30
Проплывают сквозь меня…» 31
Ноябрьский снег опять летит, слепя…» 32
Впадаю в равнодушие, как в кому…» 33
Я выключил солнце…» 34
Увы, с воспоминаниями скудно…» 35
Триолет четверостиший 36

Цинизмы

Триолет четверостиший 38
Баллада о художественной наготе 40
Баллада о Музе 41
«…И я, бывало, не дрожа…» 42
Баллада о весенних шаманах 43
Баллада о ясновидцах 44
Баллада о собеседнике 45
Баллада о воображении 46
Баллада об амнезии 47
Баллада о коте 48
Баллада об авоське 49
Ода журнальным киоскам 50
Баллада о морской депрессии 51
«Опять взошла антизвезда…» 52
Триолет четверостиший 53

Романсизмы

Триолет четверостиший 56
«Пусть судьба к нам бывает сурова…» 57
«Пусть далека ты — до бескрайности…» 58
«Куда бы ни шел я, ни ехал…» 59
«Пусть мартовский день догорает…» 60
«По давно натоптанному кругу…» 61
«Ни стыда, ни совести не зная…» 62
«Когда луна зажжется, словно люстра…» 63
«Пусть нелегка у жизни кладь…» 64
«Стыдиться слабостей не нужно…» 65
«Синий сумрак светится сквозь ели…» 66
Триолет четверостиший 67

P. S. «Весенний свет — не зачерпнёшь пригоршней…» 68

Юрий Николаевич Колесников

Рисунки из солнечного песка

Стихотворения

Дизайн обложки *Наталья Головина*
E-mail: granata.85@mail.ru

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 31.07.14 г.
Формат 60×84/16.
Гарнитура «Палатино Линотайп».
Усл.-печ. л. 4,19.

Тираж 120 экз.
Заказ № 99.

Издательство «Цицеро»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии
ООО «ИПП “Фотохудожник”»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.